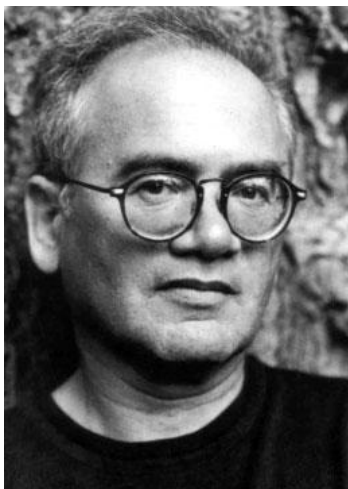

Поэзия быта-бытия

Ил. 1. А.С. Кушнер (род.14.09.1936)

Кушнер – поэт жизни, во всех ее проявлениях.

Дмитрий Лихачев

Стихи Кушнера рассказывают о счастье жизни и не утихающей за него тревоге. В них осуществляется взаимосвязанность жизнеутверждающего и трагического.

Лидия Гинзбург

Александр Семенович Кушнер родился 14 сентября 1936 года в Ленинграде. Живет в Петербурге. Закончил в 1959 году филологический факультет Государственного Педагогического института им. Герцена и десять лет преподавал в школе русский язык и литературу. Печатается с 1956 года, автор поэтических книг «Первое впечатление» (1962), «Ночной дозор» (1966), «Приметы» (1969), «Письмо» (1974), «Прямая речь» (1975), «Голос» (1978), «Таврический сад» (1984), «Дневные сны» (1985), «Живая изгородь» (1988), «Ночная музыка» (1991), «На сумрачной звезде» (1994), «Тысячелистник» (1998), «Летучая гряда» (2000), «Кустарник» (2002), «Холодный май» (2005), «Облака выбирают анапест» (2008) и др. Его статьи о русской поэзии и эссеистика опубликованы в книгах «Аполлон в снегу» (1991), «Тысячелистник» (1998), «Волна и камень» (2003), «Аполлон в траве» (2005). Вышли восемь книг избранных стихов Кушнера: «Канва» (1981), «Стихотворения» (с предисловием Дмитрия Лихачева, – 1986), «Избранное» (с предисловием Иосифа Бродского, – 1997), «Пятая стихия» (2000), «Избранное» (2005), «В новом веке», (2006), «Времена не выбирают...» (2007). Стихи А.С. Кушнера переводились на английский язык (А. Kushner «Apollo in the snow» 1991, Farras, Straus and Giroux, New-York; второе издание – 1992, Harvill, London), на итальянский (книга Aleksandr Kushner «La poesia di San Pietroburgo», Milano, 1998, книга Aleksandr Kushner «Poesie» Edizioni Trasse 2003), на голландский (книга «Vier petersburgers» I. Annenski, O. Mandelstam, A. Koesjner, J. Brodski; 1996, Amsterdam), на сербский («Лирика» 2007), а также на немецкий, чешский, французский, иврит, болгарский, японский и другие языки. Кушнер – лауреат многих литературных премий, в том числе премии «Северная Пальмира» (1995), Государственной

премии России (1996), Пушкинской премии немецкого фонда Альфреда Тёпфера (1999), Государственной Пушкинской премии (2001), Российской национальной премии «Поэт» (2005), Сербской поэтической премии «Золотой ключ» (2007)...

О поэзии Кушнера писали Лев Анненский, Татьяна Бек, Евгений Евтушенко, Алла Марченко, Владимир Набоков, Ирина Роднянская, Сергей Чупринин, Игорь Шайтанов и многие другие маститые литераторы, известные литературоведы. На фоне таких признанных авторитетов голос обычного любителя поэзии – дилетантский писк, но и в нем есть необходимость. Во-первых, поэт должен помнить и знать, что его не просто любят, читают и перечитывают, поскольку стихи не только «строить и жить помогают», выполняя известные общественные функции, но дают читателям возможность ярче, основательнее и глубже постичь себя, свое время, то есть прогнозируемое будущее. Во-вторых, «лицом к лицу лица не увидеть», – воздействие творческого дарования поэта в разные времена специалистами и читателями иногда видится (предстает!) по-разному. Многие литературоведы уже тридцать лет назад отстаивали перед коллегами-филологами, знатоками поэзии, мнение, что Кушнер А.С. является классиком-лириком, достойным «бюста под потолком» (т. е. соответствующего воздвижения в школьные, вузовские и библиотечные эмпирии). Коллеги не особенно возражали, хотя многие сами писали стихи. У каждого были собственные кандидаты, любимые авторы, – Давид Самойлов или Юлий Ким, Владимир Высоцкий или Иосиф Бродский, Булат Окуджава или Юрий Визбор, Новелла Матвеева и Белла Ахмадулина, Арсений Тарковский и Николай Рубцов, Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский...

*Всё нам Байрон, Гете, – мы, как дети,
Знать хотим, что думал Теккерей.
Плачет Бог, читая на том свете
Жизнь незамечательных людей.*

Поэзии чересчур много не бывает. Эпоха такая вышла, – динамичная и переходная, во многом трагическая (это уж как заведено), а времена, как справедливо указал один очень уважаемый советский и российский классик, не выбирают, но нет «внутренней» свободы без необходимого минимума свободы «внешней», – хотя бы воспитания-образования, синтеза общественной и личностной нравственности! Минувшая «эпоха СССР», особенно в ее проектах и ресурсах, «интенциях-потенциях», не успевших раскрыться-реализоваться полностью, оставила ценностно-эстетический вызов нынешнему дню. Не уйдет никуда отпечаток ее веры-надежды, любви-мудрости в качестве духовного завещания. Подлинная лирическая поэзия бытия и сегодня отталкивается от «рыночной суеты», «прозы жизни», и

основанием для нее служит... *повседневный быт*. Что проявилось в российской литературе по-настоящему, так это сила одаренности, поэтического таланта. «Властители умов» двух предыдущих эпох («горбачевской» и «ельцинской», «позднесоветской» и «российско-провинциалистской») ныне выглядят весьма непрезентабельно, и это отнюдь не следствие политических предпочтений, тем более не стремление забыть, вычеркнуть тридцать лет российской истории. Кто, кроме литературоведов, читает сегодня мыслителя-просветителя Вяземского, «народолюбца» Надсона, «гения» Северянина? Это далеко не бездарные поэты, имевшие *влияние на умы*, но по известным причинам не они *на слуху*, а Блок и Пастернак, Некрасов и Рубцов, Маяковский и Твардовский, Высоцкий и Окуджава, Шекспир и Киплинг... Почему? Вопрос для социопсихологов и культурологов. У них есть ответы, – как официально-политкорретные, так и весьма нелицеприятные, но примечательно, что *на слуху* порой оказываются стихи, авторы которых сознательно уходили от широкой известности и рекламы при том, что претенциозный провинциализм («люмпенско-мещанская оргия») литературного мейнстрима переплюнул по стилизуемой серости, духовной пустоте и нравственной деградации как «посконно-сермяжную», якобы державно-патриотическую «секретарскую прозу» 70-х, так и мнимо свободолобческую, «креативно-гражданственную» рок-поэзию 80-х и 90-х лет.

Социальный заказ – он ведь разный получается, эрзацами-протезами людям жить и чувствовать скучно, тоскливо и противно. Кому ныне потребно чтиво, сработанное для наивных снобов цепкими, но бездушными по сути своей «креативщиками», властителями умов опостылевшей эпохи гниения и распада? Поэт Кушнер «дегенератам от поэзии» не враждебен, он с ними не сопоставим – даже в неприятии «официозного» искусства.

*Я не ценю балет и не люблю парад,
Их крепостной сюжет, самодержавный лад.
Пусть ножка ножку бьет, под козырек берут, –
Подозреваю гнет и подневольный труд.
А я люблю, когда по комнате, мой друг,
Смеясь, балдой балда, ты закружишься вдруг.*

Потому что истинная поэзия – не духовная казарма с медитативно-гимнастическими тренингами, формирующая напыщенных жрецов, служителей муз очередного официоза, «державно-статусного» либо «гражданско-демократического» (хрен редьки не слаще), но волонтерский корпус, где свободные от мертвящих догм, схоластических образцов и начальственно-рыночных назиданий «чувствомыслящие добровольцы» принимают *личные* обязательства, требующие от каждого духовного развития и высочайшей самоот-

дачи. Это не тот профессионализм, который подавляет и мертвит культуру, это самовыражение через доступные средства, – хотя бы и средства пунктуации.

*Пунктуация – радость моя!
Как мне жить без тебя, запятая?
Препинание – честь соловья
И потребность его золотая.*

*Звук записан в стихах дорогих.
Что точней безоглядного пенья?
Нету нескольких способов их
Понимания или прочтения.*

*Нас не видят за тесной толпой,
Но пригладить торопятся челку, –
Я к тире прибегал с запятой,
Чтобы связь подчеркнуть и размолвку.*

*Огорчай меня, постмодернист,
Но подумай, рассевишь во мраке:
Согласились бы Моцарт и Лист
Упразднить музыкальные знаки?*

*Наподобие век без ресниц,
Упростились стихи, подурнели,
Все равно что деревья без птиц:
Их спугнули – они улетели.*

Понятно, что отказ от пунктуации – уход не от «старых форм», но от взыскательного отношения к собственному творчеству. Игра в текстовое пространство с «бескрайней полисемантикой» – форма снобизма и «финт ушами», а не стремление к развитию, это жреческая поза с простертой дланью, мещанская клоунада. Старозаветны, но отнюдь не смешны «новации», поддерживаемые рекламной шумихой и всяческими грантами, – даже «креативщикам» надоедает обязательное для них лицемерие «нового платья» очередного короля шутов на карнавале рынка, – тем более, что «священная нагота» (внутренняя пустота) участников этой рыночно-площадной игры отнюдь не презентабельна. Презирать принципиально нищих духом «креатинов» Кушнер не хочет – он о них *сожалеет*, как о

расчеловечившихся хищниках и кровожадных психопатах, адреналиновых наркоманах или сектантах-кастратах. Его дело – стихи, лирика, то есть *высокий мелос*, мысль-чувство.

Ил. 2. На трибуне

Побудительные мотивы для лирико-философских размышлений

Технология творчества, «писания стихов», описывается поэтом открыто, поэтапно:

*Сначала вязаться в сраженье, вязаться в сраженье!
А там поглядим, – говорил молодой Бонапарт.
Но пишется так же примерно и стихотворенье,
Когда вдохновенье ведет нас и, значит, азарт!*

*А долгие подступы, сборы, рекогносцировка, –
Позволь мне без них обойтись, отмахнуться позволь:
Так скучно, по пунктам, что даже представить неловко,
Пускай диспозицию Бенигсен пишет и Толь.*

*Шумите, кусты! Хорошо превратить недостаток
В достоинство. Мчитесь как можно быстрее, облака!
Короче, – твержу я себе. И всегда был я краток.
Тоска обжигала. И радость была велика.*

Как известно, Кушнер – не просто большой поэт, исследователь классики. В его «традиционалистском созвездии» («соученической обойме», воспитавшем творческие принципы и художественный вкус) числят Иннокентия Анненского и Анну Ахматову, Баратынского и Тютчева, Фета и Мандельштама. Это вроде бы подтверждают принципы ЛИ-

ТО – студии поэтического творчества, которую вел этот «акмеистический» по духу мэтр. Но что же такое на самом деле Кушнер? Ответ – в его стихах, прежде всего.

*Я знаю, почему в Афинах или Риме
Поддержки ищет стих и жалуется им.
Ему нужны века, он далями сквозными
Стремится пробежать и словно стать другим,
Трагичнее еще, таинственней, огромней.
И эхо на него работает в поту.
Он любит делать вид, что все каменоломни
В Коринфе обошел, все дворики в порту.
Он в наш вбегаёт день – идет снежок мучнистый,
Автобус синий дым волочит, как крыло,
И к снегу подмешав как будто прах кремнистый,
Стих смотрит на людей и дышит тяжело.
Сейчас он запоем, заплачет, зарыдает,
Застонет, завопит... но он заводит речь
Простую, как любой, кто слишком много знает,
Устал – и всё равно не сбросит тяжесть с плеч.*

Древний Восток и античность, восемнадцатый век и эпоха Возрождения...

Античность играет особую роль, здесь точка отсчета. Поэт видит современность глазами прошлого и будущего, поэтому для него так важны запахи и цвета, ракурс и перспектива, глубина мысли и ее охват, масштабирование «через древность».

*На античной вазе выступает
Человечков дивный хоровод.
Непонятно, кто кому внимает,
Непонятно, кто за кем идет.*

*Глубока старинная насечка,
Каждый пляшет и чему-то рад.
Среди них найду я человечка
С головой, повернутой назад.*

Оглядываться запрещено, Орфей не должен видеть Эвридику, возвращающуюся в мир живых, но Смерть – «великий уравниватель», исправляет ошибки безвозвратно минувшего, быстролетящего и переменчивого времени, – помни о смерти, воскрешающей жизнь!

*На череп Моцарта, с газетной полосы
На нас смотревшего, мы с ужасом взглянули.
Зачем он выкопан? Глазницы и пазы
Зияют мрачные во сне ли, наяву ли?
Как! В этой башенке, в шкатулке черепной,
В коробке треснувшей с неровными краями
Сверкала музыка с подсветкой неземной,
С восьмыми, яркими, как птичий свист, долями!
Мне человечество не полюбить, печаль,
Как землю жирную, не вытряхнуть из мыслей.
Мне человечности, мне человека жаль!
Чела не выручить, обид не перечислить.*

Однако пласты времени, «творчески» наслаиваясь, лечат живую действительность. Никаких *альтернативностей*? Можно в этой связи вспомнить уже хрестоматийное «Нельсон нервничал: он проморгал Бонапарта»... Из этого видно, что «тихая лирика» не означает уход от «громкой гражданственности», у нее в сфере общественной мысли собственные традиции, выразительные средства и образы. Да, «тихолиричные» поэты не очень-то любят выступать в больших помещениях, им нужна подготовленная и чуткая (не путать с «продвинутой»!) читательская аудитория, но это не означает, что «лиро-эпики» популярнее «медитативных лириков», просто у них другая группа крови... Как известно, поэты первого ряда (первой группы, «супердонорской») при случае могут выступать и на стадионах рядом с бардами-гитаристами, громкими «поэзопублицистами» и прочими персонажами радио- и телеэфира, отнюдь не стремясь к особенной популярности. История для Кушнера – бытийный инструмент адекватного понимания современности, это еще и способ самопостижения, подобный психологии, лингвистике и математике, музыке и философии. Грани бытия бесчисленны, но поэту-художнику, сформировавшему свой образно-понятийный аппарат, позволяют заглянуть в глубины мироздания чуточку основательнее. Не забудь обернуться, когда постигаешь «убожествляемо-обоожествляемое» настоящее – и особенно грядущее, будущее мира!

*И я усилием привычным
Вернуть стараюсь красоту
Домам, и скверам безразличным,
И пешеходу на мосту.
И пропускаю свой автобус,
И замерзаю, весь в снегу,*

*Но жить, покуда этот фокус
Мне не удался, не могу.*

Это относительно ранние («шестидесятнические») стихи, но заявка на гармонизацию мира сделана. Отсюда тяготение не просто к «окультуриванию» мироздания, но и к своего рода анимизму, когда «одухотворенность прошлого» переходит в настоящее. Не только в архитектуре...

*О здание Главного штаба!
Ты желтой бумаги рулон,
Размотанный слева направо
И вогнутый, как небосклон.*

*О море чертежного глянца!
О неба холодная высь!
О, вырвись из рук итальянца
И в трубочку снова свернись.*

*Под плащ его серый, под мышку.
Чтоб рвался и терся о шов,
Чтоб шел итальянец вприпрыжку
В тени петербургских садов.*

*Под ветром, на холоде диком,
Едва поглядев ему вслед,
Смекну: между веком и мигом
Особенной разницы нет.*

*И больше, чем стройные зданья,
В чертах люблю городских
Веселое это сознанье
Таинственной зыбкости их.*

Зыбкость мира «таинственна», но мир сам по себе эмпирически ясен, познаваем («интеллигибелен»), – тут всё можно понять, как развернутую динамичную схему с неисчислимым количеством подробностей, уточнений, *в развитии*. Приведенные стихи также хрестоматийны, но их афористичность – не самоцель, а результат *кристаллизации* образа. Сама «медлительная динамика» переосознания процесса художественного исследования является ценностью первого ряда, а результат-вывод, хоть и отлит в бронзе, уступает зо-

лоту мысли, «филозофическим помышлениям». В трепетаниях на ветру гардин и занавесок борются и гибнут неведомые титаны, и скатерть на столе кажется бесконечной – не кончается, подобно бытию. Тут прежде всего показательна тема смерти, которую автор уже «сносил наполовину», вроде старого плаща. В отличие от «мелолирического» пиджака Окуджавы, перешивать ничего не нужно – смерть у Кушнера не трагическо-романтический «момент фиксации», это необходимая часть «житейскости».

Умереть – это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока еще живы.

Но жизни людям нужно больше, – еще больше, ярче и прекраснее!

Есть казнь в аду таким, как я:

То рай прошедшего житья,

Тоска о смертном недоборе.

Потому что полнота жизни только с виду «ненасытима», на деле же это счастье бытия:

Бог семейных удовольствий,

Мирных сценок и торжеств,

Ты, как сторож в садоводстве,

Стар и добр среди божеств.

Поручил ты мне младенца,

Подарил ты мне жену,

Стол, и стул, и полотенце,

И ночную тишину.

Ил. 2. На официальном мероприятии

Жизнь – дорога, и смерть – ее часть, что-то вроде крутого поворота, за которым нечто такое, что можно, разумеется, воспринимать в качестве «потустороннего», но совсем не обязательно, потому что это дивное качество присутствует во всех мгновениях бытия.

Смерть и есть привилегия, если хотите знать.

Ею пользуется только дышащий и живущий.

*Лучше камнем быть, камнем... быть камнем нельзя,
лишь стать*

Можно камнем: он твердый, себя не осознающий,

Как в саду этот Мечников в каменном сюртуке,

Простоквашей спасавшийся, – не помогла, как видно.

Нам оказана честь: мы умрем. О времен реке

Твердо сказано в старых стихах и чуть-чуть обидно.

Вот и вся метафизика. Словно речной песок,

Полустертые царства, поэты, цари, народы,

Лиры, скипетры... Камешек, меченый мой стишок!

У тебя нету шансов... Кусочек сухой породы,

Твердой (то-то чуждался последних вопросов я,

обходил стороной) растворится в веках, пожрется.

Не питая надежд, не унижившись до вранья...

Привилегия, да, и как всякая льгота, жжется.

Или еще цитата в подтверждение вереницы предшествующих:

*Ватикана создатель всех лучше сказал: «Пустяки, / Если жизнь нам так нравится,
смерть нам понравится тоже, / Как изделье того же ваятеля»...*

Создатель Ватикана, Микеланджело Буонаротти, писал стихи. Подтверждение едва ли не фатальной обреченности на смертежизнь в жизнесмерти, неминуемость ухода в «колодец времени» – вот эта, еще более откровенная строфа:

Я с легкостью смотрю

На снимок давних лет.

«Вот кресло, – говорю, –

Меня в нем только нет».

Но с ужасом гляжу

За черный тот предел,

Где кресло нахожу,

В котором я сидел.

«Смертию смерть поправ», – так? Человек бессмертен, лишь поскольку смертен? Трудности быта-труда, задачи самосозидания (или «самореконструкции» или даже саморазрушения) – как жизнь-дорога, самый простой и древний символ насущного бытия.

*Есть наслаждение дорогой
Еще в том смысле, самом узком,
Что связан с пылью, и морокой,
И каждым склоном, каждым спуском.*

Почему так? Потому, что «самоформирование» (или самодоформирование, осознание и развитие личности – души!) суть призвание самой высокой лирики, – *философской*:

*Это, верно, то и есть,
Для чего не жаль стараться,
Что и делает нам честь,
Если честно разобратся.
В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты – свободна.*

Историчность у Кушнера настолько глубока и масштабна, что становится не просто зеркалом постижения, но нравственным стержнем «поэтизируемого» бытия-быта. К примеру, Мишель Монтень – то, что мы в нем видим – это и об авторе, и о читателе.

*Монтень вокруг сиянье льет,
Сверкает череп бритый,
И, значит, вместе с ним живет
Тот брадобрей забытый.*

*Монтеня душат кружева
На сто второй странице –
И кружевница та жива,
И пальчик жив на спице.*

*И жив тот малый разбитной,
А с ним его занятье,
Тот недоучка, тот портной,
Расшивший шелком платье.*

Едва Монтень раскроет рот,

*Чтоб рассказать о чести,
Как вся компания пойдет
Болтать с Монтенем вместе.*

Эпохи не просто перекликаются и рожают культурную преемственность, они как матрешки, скрыты – и самоценны внутри всеобщего пространства развития, *прогресса*. Разве эти «общелирические», «культурологические» стихи далеки от злобы дня? Глупость и темнота «неолибералов» – не повод, чтобы отречься от великих традиций и высокой культуры, унаследованной от выстрадавших ее предков.

*Удивляясь галопу
Кочевых табунов,
Хоронили Европу,
К ней любовь поборов.*

<...>

*Впрочем, нам и не надо
Уезжать никуда,
Вон у Летнего сада
Розовеет вода,*

*И у каменных лестниц,
Над петровской Невой,
Ты глядишь, европеец,
На закат золотой.*

Переключка с классиками очевидна, особенно любимы Тютчев и Фет, хотя за образом поэта, «умершего в девятнадцатом веке», стоит читатель-современник – и автор-творец но поэт – не один, его великое произведение – запечатленный миг «единоличного» (лирического!) бытия. Люди искусства не просто вхожи в стихи Кушнера. Кончаловский, Ван-Гог, Ахматова, Вяземский (который «медленно сживал себя со свету / в такую тьму, где слова не прочесть»), Гоголь и Гофман, – перечислять их можно долго, но зачем?

*Конечно, Баратынский схематичен.
Бесстильность Фета всякому видна.
Блок по-немецки втайне педантичен.
У Анненского в трауре весна.
Цветаевская фанатична муза.
Ахматовой высокопарен слог.
Кузмин манерен. Пастернаку вкуса
Недостает: болтливость – вот порок.*

*Есть вычурность в строке у Мандельштама.
И Заболоцкий в сердце скуповат.
Какое счастье – даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!*

Воистину – счастье... Что касается темы патриотизма, в «лирико-космополитическом» отсутствии которого одно время попрекали поэта идеологизаторы известного толка, следует привести давным-давно известные недоброжелателям поэта «цитации»:

*Сколько чудниц обвел вокруг пальца, статей их, причуд
Не боясь: ты обманута, литературная банда!
Вы обмануты, стадом гуляющие женихи.
И предательский лотос
Не надкушен, с тобой – твоя родина, беды, грехи.
Человек умирает – зато выживают стихи.
Здравствуй, ласковый ум и мужская, упрямая кротость!
Помогал тебе Бог или смуглые боги, как мне,
Выходя, как из ниши, из ямы воздушной во сне,
Обнимала прохлада,
Навевая любовь к заметенной снегами стране...
Обнимаю тебя. Одиссей. Отвечать мне не надо.*

А вот еще более откровенные слова насчет Отечества, которое еще и Родина-мать:

*Снег подлетает к ночному окну,
Вьюга дымится.
Как мы с тобой угадали страну,
Где нам родиться!
Вьюжная. Ватная. Снежная вся.
Давит на плечи.
Но и представить другую нельзя
Шубу, полегче
Гоголь из Рима нам пишет письмо,
Как виноватый.
Бритвой почтовое смотрит клеймо
Продолговатой.
Но и представить другое нельзя
Поле, поуже.
Доблести, подлости, горе, семья,*

Зимы и дружбы.

Это и есть патриотизм. Тут и православное христианство, и коммунистическая идея, и неуничтожимая «интеллигентщина» в постановке проблемы эстетического воспитания всех на свете... Вот ответ «западникам» и «квасным патриотам», требующим культурной самоидентификации:

*Не люблю французов с их прижимистостью и эгоизмом,
Не люблю арабов с их маслянистым взором и фанатизмом,
Не люблю евреев с их нахальством и самоуверенностью,
Англичан с их снобизмом, скукой и благонамеренностью,
Немцев с их жестокостью и грубостью,
Итальянцев с плутовством и глупостью,
Русских с окаянством, хамством и пьянством,
Не люблю испанцев, с тупостью их и чванством,
Северные не люблю народности
По причине их профессиональной непригодности,
И южные, пребывающие в оцепенении,
Переводчик, не переводит это стихотворение,
Барабаны, бубны не люблю, африканские маски, турецкие сабли,
Неужели вам нравятся фольклорные ансамбли,
Фет на вопрос, к какому бы он хотел принадлежать народу,
Отвечал: ни к какому. Любил природу.*

Бравировать поэт своим правом отрицать? Не желает господин барон «присоединяться», – в точности как у Григория Горина... И не потому, что так уж сильно любит уединение, но выстрадал он свой ответ на позолоченный академизм «фольклорных ансамблей» (именно потому, что *живой* фольклор – первооснова лирики), и на «этнобарабанщину» в качестве инструмента идеологии у поэта всегда будет идиосинкрязия. Кушнер, разумеется, еще как романтичен, но его главная романтическая стихия – высокая классика, оттого постмодерн, «православщина» и прочие жречески-бюрократические жесты, аффекты-надрывы «креаклов русских» ему чужды. Тема любви подтверждает это, поскольку присутствует в его стихах всегда целокупно-сенситивно, в глубоких чувствах, а не темной (истерической, ущербной) чувственности «вечного» подростка, типичной для коммерческой эстрады и приветствуемой «идеологическим рынком». Все очень просто, все бесконечно сложно, ибо любовь есть производное жизни и смерти, выражаясь философски-аллегорически, – то есть Истины и Красоты, сочувствия и понимания, трудов и забот, мечты и реальности.

*Твою ненаглядную руку
Так крепко сжимая в своей,
Я всё отодвинуть разлуку
Пытаюсь, но помню о ней.
И может быть, это сверканье
Листвы, и дворцов, и реки
Возможно лишь в силу страданья
И счастья, ему вопреки!*

Или вот еще

*Твоей руки рукой коснуться
Казалось счастьем, вопреки
Всем сексуальным революциям.
Прощай. Мы станем старики.
У нас в стране,
У нас в стране при всех обидах
То хорошо, что ветвь в окне,
И вздох, и выдох,
И боль, и просто жизнь – в цене.*

Отношение к женщине у Кушнера отличается и восторженностью-восхищением, и сочувствием-пониманием, что тысячекратно ценнее сразу всех «восьмимартовских букетов», по существу дела однотипных у слабых и сильных поэтов.

*Федор Абрамов, прозаик такой
Был, да и будет, куда ему деться?
У деревенской и у городской
Прозы в те годы и ум был и сердце,
Федор Абрамов, с которым знаком
Шапочно был я, уж очень колючий
И своенравный, сказал мне, зрачком
Острым сверкая, что он – подкаблучник.*

*– Не удивляйтесь, – добавил, – и все
Мы подкаблучники, если мужчина
Стоит чего-то, он женской грозе
Лучше уступит, и только дубина,
Только паршивец своей головы*

*Не преклонит и поступит, как хочет. –
И посмотрел на меня: Вот и вы
Тоже уступчивы. Или не очень?*

«Подкаблучник», надо понимать, это почти то же самое, что «антимачо»? Женщина и жизнь, дорога и песня, мать и дочь («сестра моя жизнь») – женского рода. Потому что *«заснешь и проснешься в слезах от печального сна. / Что ночью открылось, то днем еще не было ясно. / А формула жизни добыта во сне, и она / Ужасна, ужасна, ужасна, прекрасна, ужасна».*

Ибо «смысл жизни – в жизни, в ней самой. / В листве, с ее подвижной тьмой, / Что нашей смуте неподвластна, / В волненье, в пенье за стеной. / Но это в юности неясно».

Цитировать-анализировать можно еще долго, но наслаждаться подобными вещами следует не столько в рамках эссе, сколько в перечитывании. Жизнь прекрасна и удивительна из-за того, что мы переживаем не только чувственно-умозрительным, но и деятельно-творческим образом. В том числе *образом художественным.*

Критически-лирически, позитивно-поэтически мыслящая личность

«Что такое лирика? Это особое, горячее внимание к человеку, к любому предмету, любой вещи на земле, а не только стихи о любви. Лирика – это <...> взгляд на вещи и людей, окрашенный в личные, сердечные тона. <...> Лирика живет лишь там, где есть уважение к человеку. Она умирает, когда его достоинство попирается, когда давление на него превышает более или менее устоявшуюся норму. <...> Лирика играет на повышение всех ценностей, разглядывает, как драгоценность, каждую крупницу жизни» [1].

Можно обмануть поэта социальной демагогией («кинуть», как говорят уголовники), – так, чтобы он подписал печально известное письмо деятелей культуры к Ельцину-узурпатору, только что расстрелявшему парламент (тоже далеко не ангельский), – но стихи выше политических манипуляций, они мстят по-своему:

*Когда страна из наших рук
Большая выскользнула вдруг
И разлетелась на куски,
Рыдал державинский басок
И проходил наискосок
Шрам через пушкинский висок
И вниз, вдоль тютчевской щеки.*

Это не означает вздыханий «о славном прошлом», что характерно для определенной категории публицистов. В любой эпохе, самой кровавой, что неприемлемо для «белых» и «черных», жизненно необходимо «красным» и «зеленым», – и они платят за всё.

*Н. В. была смешливою моей
подругой гимназической (в двадцатом
она, эс-эр, погибла), вместе с ней
мы, помню, шли весенним Петроградом
в семнадцатом и встретили К. М.,
бегущего на частные уроки,
он нравился нам взрослостью и тем,
что беден был (повешен в Таганроге),
а Надя Ц. ждала нас у ворот
на Ковенском, откуда было близко
до цирка Чинизелли, где в тот год
шли митинги (погибла как троцкистка),
тогда она дружила с Колей У.,
который не политику, а пенье
любил (он в горло ранен был в Крыму,
попал в Париж, погиб в Сопротивленье),
нас Коля вместо митинга зазвал
к себе домой, высокое на диво
окно смотрело прямо на канал,
сестра его (умершая от тифа)
Ахматову читала наизусть,
а Боря К. смешил нас до упаду,
в глазах своих такую пряча грусть,
как будто он предвидел смерть в блокаду,
и до сих пор я помню тот закат,
жемчужный блеск уснувшего квартала,
потом за мной зашел мой старший брат
(расстрелянный в тридцать седьмом), светало...*

Это не мартиролог замученных «кровавым режимом», это рассказ о мгновении перед бурей... Каждый сыграет свою историческую роль – станут вешать красных белые, примутся расстреливать белых и друг друга красные, будут умирать от тифа и голода люди, прошедшие Великую революцию. Подросток-девочка говорит через старушку: «Вы, ны-

нешние, не знаете, что вас ждет, так помните о том, что было у нас!»... Зрелый, глубокий мастер стиха не зря сохранил *детскую* остроту восприятия, уязвимость и незащищенность. В советское время был лозунг «все лучшее – детям», и дети были самым лучшим, что имела «эта страна». Взрослея, они получали «уроки мужества» – через школу, главным образом. Подлинная учеба – не просто тренинги, тем более не зубрежка, это сразу и высокое (иногда) состояние души, и система унижений.

*Ни взрослой усмешки, ни опыта жизни.
Учебник достать – пристыдят и отнимут.
Бывал ли кто-либо в огромной отчизне,
Как маленький школьник, так грозно покинут!
<...>
И все неприятности взрослые наши:
Проверки и промахи, трепет невольный,
Любовная дрожь и свидание даже –
Всё это не стоит той детской контрольной.
Мы просто забыли. Но маленький школьник
За нас расплатился, покуда не вырос,
И в пальцах дрожал у него треугольник.
Сегодня бы, взрослый, он это не вынес.*

Учеба-труд – обязательная для всех российских граждан форма взросления:

*Лет до тридцати пяти повторяем формы
Головастиков-греков и римлян-рыбок.
Помню, помню, из рук получаем корм мы,
Примеряем к себе беглый блеск улыбок.
Ненавидим и любим. Как это больно!
И прекрасных чудовищ в уме рисуем.
О, дожить до любви! Видеть всё. Невольно
Слышать всё, мешая речь с поцелуем.*

Ил. 4. Старая фотография: Андрей Битов, Александр Кушнер, Лидия Гинзбург, Яков Гордин (Комарово, 1962)

Ирония для Кушнера – не прием, не форма снисхождения, это реакция на пустоту словесной эквилибристики. Официозный пафос враждебен, потому что фальшив. «Слова, слова, слова», – суконно-посконные, дубовые и тупые штампы эпохи «развитого социализма» сегодня хоть и антипоэтичны, зато вполне архаичны и безвредны, в отличие от бреда *о свободе творчества от чего угодно* в стиле «пустоопустизма» и прочих столь же пахучих постмодернизостей. Кушнер не хочет стилизовать «черное перо» ультраромантизма: «Трагическое мирозерцанье / Тем плохо, что оно высокомерно»...

Ил. 5. На вручении премии «Литературный Вавилон» (2005)

Кушнер – не просто культуртрегер, активно нелюбимый адептами *надрыва*. Ему ставят в вину то рафинированность (нежелание крыть матом), то мнимое стремление к «душевному уюту» (дескать, будь горячим или холодным, только не теплым!), – но примечательно, что подобные обвинения исходят от людей, активных лишь *внешне*, – и окололиберальных, и «проправославных». «Шьют» ему литературщину и «чрезмерную» окультуренность, и «метафизическую глухоту»! Очень уж совершенные стихи, – значит, благополучные! «Честной гражданской линейки» сюда не нашлось (а ведь были уже в эпоху Великой Французской революции худож-

ники-ремесленники, ненавидевшие всякую одаренность, обличавшие в ней своего рода аристократизм, – то есть *превосходство над средним уровнем*, и требовавших вследствие этого «цехового» *уравнительства*, чтобы праведно, достойным образом давить *чуждые таланты*). Так что Кушнер знает, что такое литературная травля. Сам он, правда, никого не травил, не поучал и ничего не навязывал.

Борьба превыше борьбы – в уходе от склоки-конфронтации

Культура гуманистического саморазвития, обретение подлинной («внутренней», т. е. «тайной») свободы бесконечно враждебна очередным «претендентам на микрофон», так или иначе стремящимся сделаться рыночными монополистами, мародерами от искусства. Какие бы претензии они не предъявляли к поэзии Кушнера, выходит, что чересчур высок, – укоротить бы на голову... А то, что поэт из себя невелик и в очках, так это видимость.

*Как клен и рябина растут у порога,
Росли у порога Растрелли и Росси,
И мы отличали ампир от барокко,
Как вы в этом возрасте ели от сосен.
Ну что же, что в ложноклассическом стиле
Есть нечто смешное, что в тоге, в тумане
Сгустившемся, глядя на автомобили,
Стоит в простыне полководец, как в бане?
А мы принимаем условность, как данность.
Во-первых, привычка. И нам объяснили
В младенчестве эту веселую странность,
Когда нас за ручку сюда приводили.
И эти могучие медные складки,
Прилипшие к телу, простите, к мундиру,
В таком безупречном ложатся порядке,
Что в детстве внушают доверие к миру,
Стремление к славе. С каких бы мы точек
Ни стали смотреть – всё равно загляденье.
Особенно если кружится листочек
И осень, как знамя, стоит в отдаленье.*

Кушнер не просто петербуржец-ленинградец, чья поэзия имеет «северное» лицо и соответствующие традиции. Его неприязнь к дыму, грязи, копоти не означает неприязни к индустриальному пейзажу «вообще», – жизнь такова.

*В одном из ужаснейших наших
Задымленных, темных садов,
Среди изувеченных, страшных,
Прекрасных древесных стволов,
У речки, лежащей неловко,
Как будто больной на боку,
С названьем Екатерингофка,
Что еле влезает в строку,
Вблизи комбината с прядильной
Текстильной душой нитяной
И транспортной улицы тыльной,
Трамвайной, сквозной, объездной,
Под тучей, а может быть, дымом,
В снегах, на исходе зимы,
О будущем, непредставимом
Свиданье условились мы.
Так помни, что ты обещала.
Вот только боюсь, что и там
Мы врозь проведем для начала
Полжизни, с грехом пополам,
А ткацкая фабрика эта,
В три смены работая тут,
Совсем не оставит просвета
В сцеплении нитей и пут.*

Убогая машинная индустрия и престижная бытовая техника, постиндустриализация или буколизация текущей-грядущей жизни – туманные блики в зеркале искусства. Да, кризис великой российской культуры очевиден – как и пути преодоления его.

*Потому что больше никто не читает прозу,
Потому что наскучил вымысел: смысла нет
Представлять, как робеет герой, выбирая позу
Поскромней, потому что смущает его сюжет,
Потому что еще Толстой в дневнике заметил,*

*Что постыло писать, как такой-то придвинул стул
И присел. Потому что с компьютером дружат дети,
И уныл за стеной телевизора мерный гул.
Потому что права тетя Люба: лишившись мужа
И томясь, говорила: к чему это чтение ей,
Если все это можно из жизни узнать не хуже.
Что? Спроси у нее. Одиночество, мрак ночей...
Потому что когда за окном завывает ветер...
Потому что по пальцам количество важных тем
Можно пересчитать... Потому что темно на свете.
А стихи вообще никому не нужны: зачем?
Потому что всего интереснее комментарий
К комментарию и примечания. Потому,
Что при Ахеменидах: вы знаете, Ксеркс и Дарий –
Не читали, читали, – неважно – сошли во тьму,
Потому что так чудно под ветром вспухает штора
И в широкую щель пробивается звездный свет,
Потому что мы, кажется, сможем проверить скоро,
Рухнет мир без романов и вымысла или нет?
Цензура, увы, ни при чем, – дело не в предписанных нормах или даже их
отсутствии...
Считай, что я живу в Константинополе,
Куда бежать с семьей Карамзин
Хотел, когда б цензуру вдруг ухлопали
В стране родных мерзавцев и осин.
Мы так ее пинали, ненавидели,
Была позором нашим и стыдом,
Но вот смели – и что же мы увидели?
Хлев, балаган, сортир, публичный дом.
Топорный критик с космами патлатыми,
Сосуций кровь поэзии упырь,
С безумными, как у гиены, взглядами
Сует под нос свой желтый нашатырь.
И нету лжи, которую б не приняли,
И клеветы, которую б на щит*

*Не вознесли. Скажи, тебе что в имени
Моем? Оно тоскует и болит.*

Критик-постмодернист – символ нефеодалного «рынка», «хлева» и «публичного дома», на котором конкуренция живой художественности с мертвой буквой «креаклизмы» не предусмотрена. У поэта-классика не может не быть врагов, ибо поэзия сама по себе есть форма вражды с действительностью («за лучшее будущее»); аристократ Платон по этой причине не зря счел всех поэтов (истинных, разумеется) смутьянами и предписал таковым изгнание. Государство олигархов традиционно (с эпохи древних Афин) поощряет пустозвонов-риторов, использует и горлопанов, орущих похабщину, но имеет более чем сложные отношения с теми *лириками*, которые относятся всерьез и к своей поэзии, и к реальности, питающей ее. Так и должно быть, – нынешний «рыночно-однополярный» го-меостазис враждебен не только и не столько к деструктивным силам, желающим разрушения, упадка для общественного целого, чтобы «прихватизировать» всё, что получится, для них опаснее «светлое будущее», а не «темное прошлое». Хранители нравственных устоев, ничего никому не навязывающие, безусловно враждебны демагогам-идеологам, лжецам-политиканам где угодно, во всем мире, – не говоря уже об олигархах и прочих «обеспеченных людях», в той или иной форме навязывающим всем свои *назидания*:

*На вашей стороне – провидцев многословный
Рассказ, и мудрецы – на вашей стороне,
И Бог, и весь обряд ликующий, церковный,
И в облаке – Святой, и мученик – в огне,
И вечная весна, и станцы Рафаэля,
И, физику предав забвению, Паскаль,
Страстная и еще Пасхальная неделя
На вашей стороне, органная педаль
И многослойный хор, поющий по бумажке,
А то и без нее, победно, наизусть,
И с крестиком бандит раскормленный в тельняшке,
Спецназовец – вчера убил кого-нибудь,
Как скептик говорил один яйцеголовый,
На вашей стороне и армия и флот,
На вашей стороне Завет, во-первых, Новый,
И Ветхий, во-вторых, и ангелов полет,
На вашей стороне и дальняя дорога,
И лучшие стихи, и нотная тетрадь,*

*И облако в окне, и я, – устав немного
Всё это, глядя вам в глаза, перечислять.*

Взаимоисключающие на первый взгляд требования – милосердие и развитие, действие и постижение... Именно на первый взгляд, потому что подлинное милосердие – это не жалость-сюсюкание, но действенная помощь, а поэзия-постигание, творчество-развитие предполагают неустанный труд, для созидания-борьбы требуется *освобождение жертв*:

*Жаль овец, барашков, ягнят,
Их глаза наливаются болью.
Но и жертва, как нам объяснят
В нашем веке, свыкается с ролью.
Как плывут облака налегке!
И дымок, как из шерсти, из ваты;
И припала бы к Божьей руке,
Да все ножки четыре зажаты.*

Так что «негативизм» Кушнера – точно такой миф, как его же «евролиберализм». Смотря что за государство – и общество! Есть нормы жизни, *совершенствующиеся* нравственные ценности, их поэт и отстаивает, поэтому есть и будут желающие сбросить этого человека с *парохода современности*. Еще Пушкин сказал, что «поэзия, прости господи, должна быть чуточку глуповата», поэтому Кушнер позволяет себе и «глуповатость» (игровую), и жертвенность – в сфере аллюзий.

*С парохода сойти современности
Хорошо самому до того,
Как по глупости или из ревности
Тебя мальчики сбросят с него.*

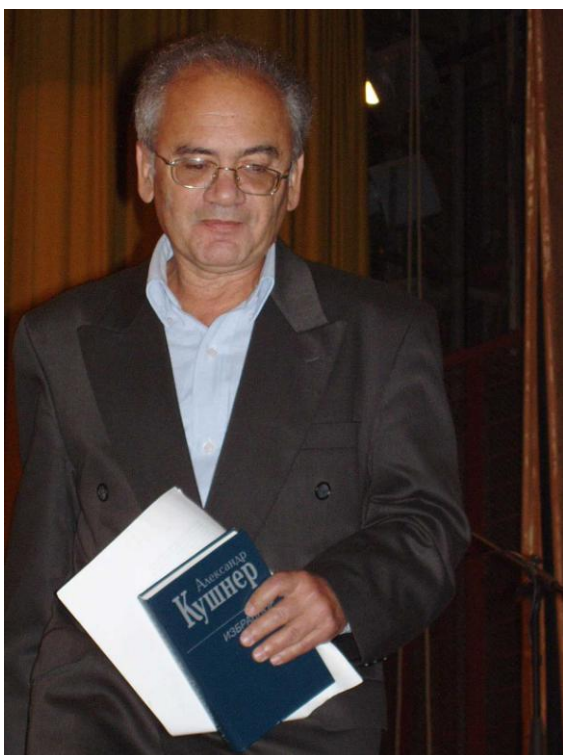
*Что их ждет еще, вспыльчивых мальчиков?
Чем грозит им судьба вдалеке?
Хорошо, говорю, с чемоданчиком
Вниз по сходням сойти налегке.*

*На канатах, на бочках, на ящиках
Тени вечера чудно лежат,
И прощальная жалость щемящая
Подтолкнет оглянуться назад.*

Пароход-то огромный, трехпалубный,

*Есть на нем бильярд и буфет,
А гудок его смутный и жалобный:
Ни Толстого, ни Пушкина нет.*

*Торопливые, неблагодарные?
Пустяки это всё, дребедень.
В неземные края заполярные
Полудешня тянется тень.*

Ил. 6. Вышла книга

Краткие выводы

«Мысль не живет сама по себе – она конкретна и подробна. Поэзия – самый стремительный, горячий, плодотворный образ мышления» [2]. Лучше не скажешь, воистину. Кушнер и в литературоведении остается поэтом, зорким и вдумчивым.

Список литературы

1. *Кушнер А. Душа искусства // Аполлон в снегу. – Л.: Советский писатель, 1991. – С. 205–206.*
2. *Кушнер А. Стихотворная мысль // Аполлон в снегу. – Л.: Советский писатель, 1991. – С. 352.*

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания и ил. 1. А.С. Кушнер (р.14.09.1936) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://old.russ.ru/netcult/pict/2003/kushner.jpg> (дата обращения: 14.01.2014).

Ил. 2. На трибуне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kushner.poet-premium.ru/photos/vavilon05.jpg> (дата обращения: 14.01.2014).

Ил 3. На официальном мероприятии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://wwwq.poem4you.ru/images/classic/photos/90/3.jpg> (дата обращения: 14.01.2014).

Ил 4. Старая фотография: Андрей Битов, Александр Кушнер, Лидия Гинзбург, Яков Гордин (Комарово, 1962) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://kushner.poet-premium.ru/photos/old_photo.jpg (дата обращения: 14.01.2014).

Ил 5. На вручении премии «Литературный Вавилон» (2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kushner.poet-premium.ru/photos/vavilon05.jpg> (дата обращения: 14.01.2014).

Ил 6. Вышла книга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kushner.poet-premium.ru/gallery.html> (дата обращения: 14.01.2014).